

лесть имея в сердце»; уже ослепленного Василька Давыд держит под стражей «яко зверь уловил», с гневным презрением замечает автор.

Осуждение преступления Давыда и Святополка передается и через описание впечатления, какое рассказ о нем произвел на других князей. Владимир Мономах «ужасеся и въсплакася велми»; Давид и Олег Святославичи «печална быста велми и начаста плакаться». Владимир обратился к князьям с речью-предупреждением об угрожающих последствиях распри для Русской земли.

Однако не только таким прямым способом, через соответствующую оценочную лексику, автор передает свое отношение к изображаемому. Он стремится внушить это отношение читателю и через такой рассказ о пострадавшем князе, который пробудил бы сострадание к нему и гнев против его врагов уже без прямой подсказки, самым выразительным описанием верности Василька присяге, его казни и мучительной поездки во Владимир Вольнский князя, потерявшего сознание после ослепления. Реалистические тенденции автора нашли свое выражение именно в этих сторонах повести, когда он перестает напоминать о «сотоне» и всю вину за преступление возлагает на действительных его участников — князей.

Глубокое сочувствие Васильку подчеркивается тем, что автор изображает его верным крестному целованию, отклоняющим предупреждения «отроков», которые заподозрили заговор против своего князя. Василько едет «на княжь двор в мале дружине», без охраны, которая могла бы его защитить, «помышляя: како мя хотять яти, оногды целовали крест...». Итак, автор, не ограничиваясь «эмпирической констатацией фактов», ведет читателя даже в «помыслы» своего героя, чтобы возбудить уважение к Васильку, верному присяге, противопоставив его нарушителям клятвы.

Особый интерес вызывает вопрос о том, на чьих показаниях построено обстоятельное описание самого ослепления, свидетелем которого автор не мог быть. Некоторые подробности мог рассказать сам Василько. Например, он мог запомнить, что в «ыстобке малой», куда его ввели, привезя в Звенигород, сидел «Торчин», который «остряше нож», что затем вошли два конюха. Но дальнейшее — описание борьбы с сильным князем, того, как дважды снимали с печи доски, как «перси троскотали», когда на концы досок сядились четверо слуг Давыда и Святополка, как трижды «уверте» нож «Торчин» в «зеницы», пока не изъял обе, — в связанном рассказе восстановлено по отдельным частностям автором, вероятно не все узнавшим от пострадавшего. До того ли ему было, чтобы запоминать всю картину, когда у него «троскотали перси», а кровь заливала лицо? Предполагать же, что сами слуги рассказали подробно о том, как они зверски истязали Василька, нет оснований. Вероятно, автор, в общем зная, как происходили подобные казни, наглядно воспроизвел всю картину не без участия художественного домысла. «Правда жизни» передана здесь через «воображаемую» в отдельных частях картину.

Зачем же автору понадобилось с такими натуралистическими подробностями напоминать о жестокости слуг, боровшихся с могучим князем? Конечно, чтобы устроить читателя, показать ему со всей наглядностью, к чему ведут иногда феодальные раздоры, как легко совершаются преступления и страдают невинные из-за одних «лживых словес». Можно думать, что не случайно дальше, в речах князей, оплакивающих Василька и ужасающихся вероломству Давыда и Святополка, для определения этого преступления, посеявшего вражду между князьями, дважды повторяется одна и та же метонимия: «зло» в том, что преступник «уверже в ны (братьев-князей, — В. А.-П.) нож». Эта метонимия не могла не заставить